

Това Фридман Малкольм Брабант

предисловие сэра Бена Кингсли

18+

ДОЧЬ АУШВИЦА

МОЯ ДОРОГА
К ЖИЗНИ

«Я пережила
Холокост
и все равно
научилась
любить
жизнь»

Вторая мировая война. Причины, события, последствия

Това Фридман

**Дочь Аушвица. Моя дорога
к жизни. «Я пережила
Холокост и всё равно
научилась любить жизнь»**

«ЭКСМО»

2022

УДК 929(438)"1939/45"
ББК 63.3(4Пол)622

Фридман Т.

Дочь Аушвица. Моя дорога к жизни. «Я пережила Холокост и всё равно научилась любить жизнь» / Т. Фридман — «Эксмо», 2022 — (Вторая мировая война. Причины, события, последствия)

ISBN 978-5-04-181973-6

Центральная Польша, начало 1940-х годов. Четырехлетняя Това Фридман счастливо живет со своей семьей в еврейском гетто. Она еще не знает, что скоро их семью разделят и отправят по трудовым лагерям, что ее отец попадет в Дахау, а она с матерью — в Аушвиц-Биркенау... На страницах этой книги вы узнаете о темных и страшных событиях прошлого, об одном из самых чудовищных преступлений XX века. Журналист Малкольм Брабант облачает в форму удивительного, завораживающего повествования воспоминания Товы Фридман, пережившей Холокост ребенком. Несмотря на все ужасы, выпавшие на ее долю. Това Фридман нашла в себе силы жить дальше, воссоединиться с семьей и помогать людям. Это ее история. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929(438)"1939/45"
ББК 63.3(4Пол)622

ISBN 978-5-04-181973-6

© Фридман Т., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Предисловие	6
Пролог. Дочь Аушвица	7
Глава 1. Бегство от смерти	10
Глава 2. Мир за скатертью	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Това Фридман, Малкольм Брабант Дочь Аушвица. Моя дорога к жизни. «Я пережила Холокост и всё равно научилась любить жизнь»

*Моим замечательным родителям, Рейзел и Машелу, которые
спасли всех нас.*

*А также моим детям и внукам, которые не забудут никогда, я
верю.*

Tova Friedman and Malcolm Brabant
THE DAUGHTER OF AUSCHWITZ

Copyright © Tova Friedman with Malcolm Brabant 2022 This edition is published by
arrangement with The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd and The Van Lear Agency LLC

© Ноури Е.В., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Москва 2023

Предисловие

Когда я уезжал от Товы тем утром, на ум пришли заключительные строки шекспировской трагедии *«Король Лир»*:

Старейший – претерпел; кто в цвете лет,
Ни лет таких не будет знать, ни бед.

Я уверен, что Эли Визель (американский и французский еврейский писатель, журналист, общественный деятель, профессор. Лауреат Нобелевской премии мира 1986 года «За приверженность тематике страданий еврейского народа, жертв нацизма», председатель «Президентской комиссии по Холокосту». – *Прим. пер.*) позволил бы нам процитировать себя в текстах, провозглашающих Тову Фридман героиней, посвятившей свою жизнь сохранению правды и памяти.

Сэр Бен Кингсли, февраль 2022 года

Пролог. Дочь Аушвица

Зовут меня Това Фридман, и я одна из самых юных выживших узников нацистского концлагеря Освенцим-Биркенау¹. Большую часть своей взрослой жизни я посвятила рассказам о Холокосте, ведь случившееся не должно стереться из людской памяти.

Родилась я в польском городе Гдыня в 1938 году, за год до начала Второй мировой войны. Изначально в моем свидетельстве о рождении значились другие имя и фамилия: Тола Гроссман. Чудом пережив все предпринятые нацистами попытки уничтожить еврейский народ, я оказалась в Америке, где вышла замуж за Майера Фридмана и взяла его фамилию, а затем сменила и свое имя – теперь я Това.

И я, и те немногие узники концлагерей, которые дожили до этих дней, неустанно рассказываем миру свои истории – и все равно кажется, что люди забывают уроки прошлого. Лично я была просто потрясена уровнем невежества молодых американцев: результаты исследования, проведенного на Конференции по Материальным Претензиям Еврейского Народа к Германии, были опубликованы в 2020 году.

Две трети опрошенных не имели ни малейшего представления о количестве погибших в период Холокоста евреев. Почти половина этих молодых людей не смогла назвать ни одного концентрационного лагеря или гетто, а 23 % искренне полагают, что Холокост – это просто миф или неоправданное преувеличение.

17 % опрошенных утверждали, что неонацистские взгляды вполне приемлемы. Похожее социальное исследование, проведенное в Европе в 2018 году, показало, что треть всех европейцев знают о Холокосте ничтожно мало или даже совсем не слышали о нем. При этом 20 % респондентов полагали, что евреи действительно оказывают слишком сильное влияние на мировой бизнес и экономику.

Эти ужасающие цифры указывают лишь на одно: антисемитизм, или ненависть к евреям, набирает новую силу как в Америке, так и в Европе. После всего того, что мы пережили в гетто и концлагерях во время Второй мировой войны, мне трудно поверить, что убийственные идеи 1920—1930-х годов снова возрождаются. Холокост, напугавшее преступление в истории человечества, имел место быть менее 80 лет назад – неужели столь недавнее и вопиющее по своей жестокости явление уже стирается из памяти человеческой? Это ведь, друзья мои, просто невероятно.

Сейчас, когда я пишу эту книгу, мне 83 года, и я ставлю себе целью увековечить память о случившемся, сделать так, чтобы невинно убиенные не были забыты – впрочем, равно как и те зверства, которые привели к их гибели.

Многие задаются вопросом, похож ли мир, в котором мы живем, на Европу 1930-х годов, когда нацизм и фашизм расцвели до такой степени, что привели ко Второй мировой войне. В те времена антисемитизм составлял основу официальной государственной политики гитлеровской Германии. С одной стороны, в наши дни ни одно мировое правительство не внедряет подобной доктрины в свое законодательство, ни в одной стране подавляющее большинство населения не поддерживает столь дикие идеи. Тем не менее мы все знаем современные государства, в которых процветает разного рода дискриминация.

Ненависть – все более и более распространенное явление в наши дни, к сожалению. Я говорю о любой форме ненависти, особенно о неприятии меньшинства. И где бы вы ни нахо-

---

¹ О с в е н ц и м – это комплекс нацистских концентрационных лагерей, состоял из трех лагерей: Освенцим I, Освенцим II (Биркенау), Освенцим III (Моновиц). Освенцим II (Биркенау) – это то, что обычно имеют в виду, говоря об Освенциме. Освенцим и Аушвиц – названия одного и того же лагеря. Освенцим – это перевод с польского языка; Аушвиц – перевод с немецкого языка (в 1939 году этот район Польши был занят немецкими войсками, г. Освенцим переименовали в Аушвиц). – *Прим. ред.*

дились, я заклинаю вас, не повторяйте судьбу, которую я в очередной раз описываю, теперь – в этой книге.

Адольф Гитлер написал небезызвестную книгу «Майн Кампф», настоящий развернутый план по уничтожению евреев, всего за двадцать лет до того, как Холокост пронесся по миру. Сколько же потребуется времени на массовое распространение подобных идей в нашу эпоху скоростного интернета?.. Сегодня, как никогда, необходимо проявлять бдительность и открыто выражать свои мысли².

Мои дорогие читатели, я вложила в эту книгу миллионы запахов, звуков и ощущений – для того, чтобы вы смогли лично прочувствовать, что значит провести детство в условиях Холокоста. Прошу вас, пройдите по моим следам и следам членов моей семьи, и пусть ваши стертые в кровь стопы ощутят холодный камень разбитых дорог. Я прошу вас поразмыслить над дилеммами, перед которыми мы тогда оказались, и попробовать сделать выбор, который порой просто невозможно было сделать. Надеюсь, что вы разозлитесь. Потому что тогда вы, возможно, сможете разделить ярость, которой мы жили в те дни. Эти чувства, которые я постараюсь передать вам через страницы книги, надеюсь, смогут предотвратить геноцид в дальнейшем.

В моей семье история всегда передавалась следующим поколениям из уст в уста. Я скорее рассказчица, нежели писательница, поэтому я попросила своего друга Малкольма Брабанта помочь мне с созданием этой книги. У него лучше получается передавать образы через слова.

Мы познакомились с ним в Польше 27 января 2020 года в ходе мероприятий, посвященных 75-й годовщине освобождения узников Аушвица.

Малкольм – военный репортер. Он лично освещал события 1990-х годов, связанные с этнической зачисткой в Боснии и Герцеговине. Он знает об ужасах геноцида не понаслышке. Его личная история полна боли и смертельно опасных моментов, многие из которых существенно отличаются от моих историй. Нас объединяет то, что мы оба смогли выжить.

Он профессионально погрузился в тему нацистской оккупации Польши и помог мне описать свое детство как можно более достоверно.

Пока мы вместе старались восстановить звуки, запахи и вкусы Холокоста, я почувствовала, как снова нахлынули мои давно запрятанные воспоминания. Порой из-за них я не могу уснуть всю ночь. Все, что произошло со мной и с людьми вокруг меня, спрятано где-то глубоко в уголках подсознания. Как практикующий психотерапевт я понимаю и признаю, что возраст и время могли существенно притупить остроту воспоминаний. Все-таки человеческий мозг и тело в целом – это удивительный механизм, как ничто иное настроенный на самосохранение. Зачастую мы и сами не осознаем, как у нас получилось выжить в определенные моменты.

Некоторые детали моих историй могут не совпадать с тем, что рассказывают другие свидетели Холокоста. После войны моя мать беспрерывно разговаривала со мной о том, что нам пришлось пережить, – так она старалась заставить меня на всю оставшуюся жизнь запомнить все подробности. Диалоги, которые вы увидите в этой книге, приведены не дословно, однако их содержание, интонации, суть – это самый честный пересказ происходящего из возможных. У всех у нас разные воспоминания и версии правды. Эта книга – моя личная правда.

Не думаю, что я страдаю от чувства вины, присущего многим выжившим: психиатры называют его «синдромом выжившего». Те, кто испытывает это состояние, как бы наказывают себя за то, что остались в живых, даже если они ни в чем не виноваты. Я не думаю, что шесть миллионов евреев, погибших во время Холокоста, хотели бы, чтобы я чувствовала себя виноватой. Мне больше нравится другой термин – «рост выжившего», ведь я активно использую

---

² Фрагмент текста удален в связи с Федеральным законом от 4 марта 2022 года № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

свой прошлый опыт, всерьез осмысливая каждый новый подаренный мне день именно в память о тех, кто погиб во время Холокоста. Я всегда буду помнить о них.

Я направила всю боль своей травмы на то, чтобы «разрушить планы Гитлера». Он хотел уничтожить нашу веру, убив наших детей. Я же потратила большую часть своей осознанной жизни на обратное: я следила за тем, чтобы моя собственная семья была постоянно погружена в нашу культуру. Все восемь моих внуков являются наилучшим живым свидетельством преемственности поколений.

В своих мемуарах я называю этот геноцид Холокостом, однако еврейский термин, обозначающий катастрофу, – Шoa – более точно выражает беспрецедентную трагедию нашего народа.

Освенцим оставил отпечаток в моей ДНК. Практически все, что я сделала в своей послевоенной жизни, каждое принятое мной решение было сформировано пережитыми во время Холокоста событиями.

Я сумела остаться в живых, а это накладывает определенные обязательства, например, высказаться от лица полутора миллионов еврейских детей, замученных фашистами. Ведь они уже ничего не могут сказать. Я должна помочь им прозвучать на весь мир.

Това Фридман, Хайленд-Парк, Нью-Джерси, апрель 2022 года

Глава 1. Бегство от смерти

Аушвиц II, он же лагерь уничтожения Биркенау, оккупированный немцами юг Польши

25 ЯНВАРЯ 1945 ГОДА \ МНЕ 6 ЛЕТ

Я не знала, что делать, и никто из других детей в моем бараке не знал, что делать. Шум снаружи был ужасающим. Я никогда раньше не слышала ничего подобного. Бесконечная стрельба, залпы и одиночные выстрелы. Пистолет и винтовка звучали по-разному – это мы уже хорошо усвоили, ведь мы видели и слышали и то и другое в действии совсем рядом. Винтовки трещали, а пистолеты хлопали. Результат одинаковый: люди падали и истекали кровью. Иногда они кричали, а иногда все происходило слишком быстро, и они не успевали издать ни звука. Например, когда им попадали в затылок или шею. Еще до нас доносился хрип, скрежет и бульканье. Вот оно было самым страшным – это бульканье. Мои уши ненавидели этот звук. Я искренне желала, чтобы бульканье прекратилось – для них и для меня.

Где-то за пределами барака раздавались треск, хлопки и характерное *тра-та-та-та-та*. Этот быстрый звук назывался автоматная очередь. Их я тоже видела в действии. Я знала, каких бед они способны наделать. И они приводили меня в ужас.

Стекла в каждой из оконных рам, тянувшихся вдоль стен, примерно в трех-четырех метрах над моей головой, – неистово дребезжали. Обычно стекла дрожали от ветра. На этот раз все было по-другому, как при грозе, разве что без молний. Вдалеке прогрехотало что-то похожее на гром. Хотя деревянные стены и приглушали шум, идущий снаружи, казалось, что одновременно все обитатели наших барачков вдруг начали стонать или кричать. Лагерные собаки, страшные, злобные твари, рычали и лаяли с большей, чем обычно, яростью.

Я слышала, как немецкие охранники кричали во весь голос. Я не выносила их гортанный язык. Всякий раз, когда немцы открывали рот, я впадала в ступор.

Никогда не слышала, чтобы по-немецки говорили спокойно. Как правило, их резкая, грубая, чуждая мне речь сопровождалась насилием. Звуки рождались в глубине горла, откуда лавина слов вырывалась наружу, превращаясь в рык, плевки и шипение. Еще немецкий язык напоминал мне забор из колючей проволоки под электрическим напряжением, окружавший нашу тюрьму: он убивал током любого из тех, кто предпочел по своей воле расстаться с жизнью, а не так, как ежедневно диктовали нацисты. Многих заключенных расстреливали еще до того, как они добивались до проволоки.

В тот день немецкие голоса казались еще более сердитыми, чем обычно. Не конец ли света сопровождается такими звуками? Война подошла ближе, чем когда-либо. На этот раз война, в которой солдаты сражаются друг с другом на равных. Не та война, которую я наблюдала до этого, когда сытые твари в серой и черной униформе топтали ослабших от голода женщин и стариков, а затем стреляли им в спину или в голову. Не та война, на которой детей отправляли в газовые камеры, и они вылетали из дымоходов крошечными обугленными хлопьями.

Мы не могли и догадываться о том, что скрывалось за напряжением, просачивающимся сквозь обшитые деревянными досками стены. Я взглянула на высокие окна. Если смотреть под острым углом, через прорези стекла наверху, небо казалось странным. Да, мрачным, потому что стояла зима. Но вместе с тем и темнее обычного. Может быть, воздух наполнился дымом? Что же это падало на землю? Какие-то необычные предметы, больше обычных хлопьев золы. Не пожар ли это снаружи? А может, пламя движется прямо на нас? Достаточно было бы одной искры, и наш барак превратился бы в погребальный костер. Мой пустой желудок совсем скукожился от ужаса. Ловушка, в которой мы все давно находились, стала уже привычной.

И тогда я сделала то, что обычно делала в моменты отчаяния. Я взобралась на стену из красного кирпича, которая тянулась вдоль барака, высотой в полметра над землей. Она служила перегородкой между рядами трехъярусных коек по обе стороны и поглощала тепло от печи, располагавшейся в центре комнаты. Хотя огонь уже угасал, в кирпичках еще оставалось немного тепла. Я села на корточки и пошевелила пальцами ног, устроившись поудобнее, насколько это было возможно.

В моем бараке было так много детей, что я никогда не могла их сосчитать. Может быть, сорок, пятьдесят, даже шестьдесят. Самые старшие – уже почти подростки. Я была одной из самых младших и шуплых. Объединяли нас перепачканные, грязные лица и запавшие глаза, обведенные черными кругами бессонницы и голода. Лохмотья полосатой униформы свисали с наших скелетов.

Так вот, никто из нас не знал, что происходит, – даже утреннюю переключку отменили. Цифры на моем левом предплечье внезапно зачесались. Впервые с тех пор, как их выкололи на моей коже, я не стала их трогать. А-27633. Идентификационный номер, присвоенный мне нацистами. В тот день его не выкрикивали. Нарушился привычный распорядок дня. Определенно происходило что-то странное. Нас не покормили, а есть, как всегда, очень хотелось. Давно уж пора бы встать в очередь за коркой сухого хлеба и миской еле теплой каши, с плавающими, если повезет, ошметками овощей неопределенного происхождения. У всех животы сводило от голода.

Сколько времени мы провели в таком положении? У меня не было никаких средств измерения времени, все, что мы могли, – это наблюдать, как дневной свет сначала разгоняет тени внутри барака, а затем, как они возвращаются. По ощущениям прошло совсем немного времени, прежде чем солнце, где бы оно ни находилось, опустилось ниже уровня окон, и вскоре мы снова оказались в полной темноте.

Кашель, сопение и хныканье волнами катились по койкам. Несмотря на постоянный промозглый холод, в бараке постоянно воняло пропитанными мочой одеялами и фекалиями из переполненных горшков. Некоторые дети хныкали или пытались сдержать слезы. Плач заразителен. Стоило заплакать одному, и печаль одолевала нас всех. Уж и так не до радостей, а от слез совсем невыносимо. Только начнешь думать о том, как ужасна жизнь, и уже нельзя остановиться. Я не поддавалась таким настроениям и никогда не плакала. Рыдать хотелось в голос, но я стискивала зубы и старалась быть выше всего этого.

Мама учила меня никогда не плакать, как бы страшно ни было, как бы сильно я ни устала. Я с гордостью могу сказать, что для такой крошки у меня уже тогда была довольно сильная воля.

- Что-то не видно старосты...
- Да, я тоже ее сегодня не видел.
- Она вчера еще пропала.
- Ее здесь нет. Давайте выйдем на улицу.
- Нет, нам же нельзя.
- Если она нас поймает, то побьет и донесет немцам.

Старостой мы называли старшую по бараку, ответственную за порядок, такую же, как и мы, еврейку, которая выполняла приказы немцев. Немцы платили ей за службу дополнительной едой и позволением иметь личное пространство. У нее был отличный аппетит, у этой крепкой бабы. Впрочем, ребенку все кажется большими и сильными. В обмен на выполнение грязных приказов нацистов старшая по бараку могла спокойно растянуться и спать на своей собственной кровати, не опасаясь, что кто-то другой украдет одеяло или ткнет ее в спину коленями или локтями.

Хотя старшая по бараку и наводила на нас ужас, ее присутствие укрепляло общую дисциплину: «Ordnung muss sein»³, как без устали повторяли немцы. Я честно признаю, что боялась этой женщины. Однако без нее среди нас воцарился бы сплошной хаос, и, что хуже всего, не осталось бы никакой еды.

Обычно все лагерные бараки запирались на засовы. На этот раз староста, должно быть, так торопилась, что, убегая, когда бы это ни произошло, не потрудилась пересчитать нас или запереть дверь. Меня так и подмывало выскользнуть наружу, но доносившийся оттуда шум был слишком пугающим. Никто из детей не осмеливался выйти за дверь – как будто нас сдерживало силовое поле. Мы давно уже до того привыкли подчиняться, что не могли даже двигаться без приказа.

Внезапно дверь открылась, и мы все подскочили.

Вошла женщина, которую я не узнала. Выглядела она ужасно. Черты ее лица были искажены недоеданием: лицо представляло собой, по сути, просто череп, покрытый тонкой, как пергамент, кожей, глаза ввалились в глазницы. При этом тело распухло от голода. Голод часто заставляет плоть набухать. Пучки темно-каштановых волос торчали из-под куска ткани, превращенного в шарф в тщетной попытке сохранить хоть какое-то тепло.

Женщина посмотрела на меня.

– Тола! – воскликнула она. – Вот ты где, девочка моя!

На ее лице отразилось облегчение. Напряженные мышцы на щеках расслабились, а глаза заблестели. Голос этой женщины был слабым, но знакомым, как и ее печальные зеленые глаза, как ее вымученная улыбка. Я привстала на кирпичах, сбитая с толку. Женщина больше походила на пугало, чем на человека. Она говорила, как моя мама, но была ли это на самом деле она?

И что она делала в моем бараке? Она должна была быть в женском отделении. Нас разлучили пять месяцев назад, в разгар лета, после того как я заболела. Потом мне как-то показалось, что по пути в газовую камеру и обратно я слышала ее голос совсем рядом, но я так ее ни разу и не увидела.

На самом деле, я так давно не видела маминого лица, что забыла, как она выглядит. Я уже привыкла к тому, что у меня нет ни матери, ни отца. Я забыла, что у меня есть хоть кто-то родной на этой земле. Я осознала, что я совсем одна. Что же теперь – это не так? Я пребывала в замешательстве, и эта женщина заметила мое колебание.

– Тола, это я, мама, – сказала она и попробовала улыбнуться пошире. Доверия мне это не прибавило.

«Это что же, и вправду моя мама?» – лихорадочно соображала я.

Я спрыгнула с кирпичной стены и подбежала к ней, почувствовала, как улыбка расплылась по моему лицу от уха до уха. Впервые за эти бесконечные месяцы я испытала настоящее счастье. Она присела на корточки, взяла меня за лицо и посмотрела мне прямо в глаза. Затем она обняла меня и поцеловала. Я обняла ее в ответ из последних оставшихся сил. Пахла эта женщина совсем как моя мама. Любимая моя, родная, настоящая. Заключенная А-27791. Моя мама.

– Послушай меня, Тола. Они собирают людей, чтобы гнать их пешком в Германию. А это далеко, за сотни миль отсюда, – сказала мама. – Посмотри на меня. Меня скорее всего застрелят. Я умру. Потому что до Германии мне не дойти. Посмотри на мои ноги. – Она указала вниз.

Обуви на маме не было. Ее ноги были обмотаны тряпками, причем как будто в спешке. От мокрых подошв влага просачивалась вверх. Покрасневшие от холода икры и лодыжки распухли – верный признак голода. В нашем лагере давно уже обитали одни пугала и скелеты.

---

³ «Порядок прежде всего» (нем.).

– Может быть, у тебя получится, и ты сможешь пережить этот поход. Но этот мир не милосерден к одиноким детям. Я не хочу, чтобы ты выживала в одиночку. Давай попробуем спрятаться. Может быть, у нас снова получится выжить вместе. Ну а если мы умрем, то тоже вместе. Ну как, пойдешь со мной?

– Да, мама, конечно, пойду, – ответила я.

С самого своего рождения я жила в мире, в котором евреи существовали исключительно для того, чтобы умереть. Совершенно нормальным считалось пожелать товарищу скорейшей смерти. Все еврейские дети умирали. К тому же я всегда делала то, что велела мне мама. Мама всегда говорила мне правду, я ей доверяла, как никому другому. Мама никогда меня не обманывала, потому что знание правды могло спасти мне жизнь. Так она повторяла везде – в гетто, в трудовом лагере, в вагоне для перевозки скота и всегда, до той самой минуты, как нас разлучили в Аушвице.

Хотя, по сути, речь шла о том, чтобы умереть вместе, маме удалось поднять мне настроение, ведь получалось, что если я буду следовать ее указаниям, то у нас есть шанс выжить. Как всегда, она говорила только правду. Другие родители, возможно, попытались бы в таких обстоятельствах скрыть правду, но не моя мама. Она верила, что информация – это сила, и она может спасти мне жизнь.

Месяцами я была совсем одна. Не было никого, кто мог бы защитить меня. Я давно свыклась с мыслью, что умру в одиночестве, какой бы ни была смерть. Но теперь снова появилась та, кто позаботится обо мне. В тот момент я бы сделала все, что бы мама ни попросила. Волна облегчения захлестнула меня, ведь я больше не была совсем одна.

Мама молча взяла меня за руку и вывела из барака.

На нас мгновенно обрушился запах гари. Звук потрескивания дерева, звук летящих искр. Похоже на огромный камин. Больше всего на свете я отчаянно мечтала о любом источнике тепла, представляла себе, как мое окоченевшее тело однажды снова нальется теплом. Когда мама сжимала мою руку, я забывала о холоде. Небо было затянуто дымом. Огонь был где-то совсем близко. Я боялась этих громких звуков. Древесный дым смешивался с другими запахами, в воздухе висела какая-то маслянистая гарь, черная смола, которую наносят на дороги и крыши. И кое-что еще. Гнилостный запах сжигаемого мусора, тонн мусора. Мама нервно крутила головой по сторонам – влево, вправо и снова назад, – она высматривала возможные неприятности. Взявшись за руки, мы быстро шли по снегу в тишине. Казалось, она знала, куда идет. Я знала, что должна вести себя как можно тише. Шум может привести к смерти. Маме не нужно было ничего говорить. Ее напряженность передалась и мне. Предстоящее приключение придавало мне сил. Даже муки голода исчезли. Мамина любовь вселила в меня чувство безопасности и защищенности. Тряпки на ее ногах хлюпали при каждом шаге.

Я не замечала, как снег просачивался сквозь мои тонкие белые туфли на шнуровке, проникая прямо на тощие босые ноги. Я только чувствовала тепло маминой руки и ее любовь, проходящую через все мое существо. Я даже не могла до конца поверить в то, что видели мои глаза. Впервые за все это страшное время нам не преградили путь ни войска СС, ни их местные прислужники. Когда мы перебегали между зданиями, я увидела на мгновение стоящих вдалеке солдат в шинелях – они сгоняли пленных в группы, готовились к марш-броску в Германию.

Казалось, что фашисты ругались и выкрикивали приказы. Я тогда была без малого на год старше самой войны. Я, собственно, никогда и не знала свободы. Мое выживание напрямую зависело от способности угадывать настроение моих мучителей. Я знала, что при всей их жестокости обычно немцы предельно сдержанны. Тем же утром они были на грани истерики и стреляли в упор по всем, кто слишком медленно повиновался.

Я привыкла спокойно относиться к убийствам. Сколько я себя помню, я всегда невольно наблюдала чью-то насильственную смерть. Я научилась подавлять собственные эмоции. Что

меня все еще могло напугать, так это немецкие овчарки, их свирепые, пенящиеся пасти. Эти ужасные твари, натягивающие поводки своих хозяев, были больше меня размером.

Когда летом мы с мамой только приехали сюда и вышли из вагона для скота на платформу, я увидела, как собаки гонялись за людьми вдоль железнодорожных путей. Я никогда не смотрела в глаза ни одному офицеру СС, представителю *шутцинтаффеля*, элитного военного корпуса Гитлера, в котором служили самые фанатичные нацисты Третьего рейха. Более полугодя мне чудом удавалось избегать их ярости. Мама правильно научила меня: «Всякий раз, когда проходишь мимо немца, всегда смотри вниз или отводи взгляд. Никогда не встречайся с ними глазами. Они это ненавидят. Это их злит, так они будут только кидаться на тебя, могут даже убить».

Так, следуя этому правилу, я тщательно изучила их черные бриджи для верховой езды, элегантные черные сапоги с высокой подошвой, длинные, до колен. Я насмотрелась на их кнуты и палки, кинжалы, свисающие с поясов, символы в виде черепов и пальцы на спусковых крючках. Я не поднимала глаз выше плеч и погон. Пару раз я видела железный крест, висающий на шее или горящий орденом на груди. Я наивно полагала, что это униформа, которую носят все мужчины-неевреи на земле. При этом я никогда не видела их лиц. А вот в глаза собакам приходилось смотреть довольно часто. А они всегда выдерживали взгляд, пускали слюни, рычали, скалились, напрягали жилы на шеях. Собаки хотели вонзить свои зубы в мою плоть и разорвать меня на куски.

Мама крепче схватила меня за руку и подтащила еще ближе к низким деревянным зданиям. Мы находились на северо-западной стороне лагеря смертников, более известного как Биркенау. Формально он был частью комплекса Освенцим. Справа нас закрывали здания, в которых находился мужской лазарет. Слева от нас тянулись ряды бараков, отделявших нас от главного входа в лагерь – Ворота Смерти, – где сейчас собирались заключенные для своего последнего исхода. Мама двигалась как можно более незаметно, она вела меня в южном направлении. Мы направлялись к железнодорожной ветке, которая привела нас в Биркенау полгода назад.

Вдалеке гудели двигатели грузовиков: одни только заводились, другие некоторое время работали на холостом ходу. То и дело в микрофон выкрикивали приказы, и совершенно непонятно было, каким из них нужно подчиниться. Раз или два мама затаскивала меня в тень здания, и мы пригибались так низко, как только могли, – так отчаянно мы хотели остаться невидимыми. Хотя мы находились на некотором расстоянии от сторожевых вышек, расположенных по всему периметру забора, я знала, что, если охранники заметят нас, они откроют огонь или предупредят тех солдат, что внизу. Если бы нас поймали, нас бы заставили встать в строй, окруженный злыми солдатами и их еще более злыми собаками. Тогда бы избежать похода, который, по словам мамы, станет для нее последним, точно не получилось бы. Везде, где возможно, мы прятались в тени и надеялись на удачу.

Плотность расположения казарм помогала нам остаться незамеченными, но еще больше нам на руку сыграла паника, в которой пребывали немцы. Приближались русские – они были уже совсем недалеко. Русские, исполненные желания отомстить. Нацисты так спешили бежать, что не заметили, как заключенная А-27791 и девочка в белых туфлях на шнуровке, А-27633, сумели сбежать.

Прилив адреналина обострил мои чувства. Слух и обоняние выдавали мне столько же информации, сколько и глаза. Чего не хватало, так это смрада, который висел над лагерем с тех самых пор, как мы прибыли, этой тошнотворной неизбывной вони. Сернистого запаха тухлых яиц, горящих волос, жарящейся плоти, который клубился в воздухе, забивался в ноздри, намертво прилипал к нервным окончаниям и к самой памяти. В тот день этого ужасного тошнотворного привкуса во рту не было.

В тот день снаружи было очень шумно, лагерь гудел несравненно громче, чем за день до этого. Тогда я на несколько минут вышла на улицу и удивилась тишине, царившей в соседнем детском бараке, через два здания от нашего. Там было пугающе тихо, я заглянула внутрь, рискнув навлечь на себя гнев старосты, но смотреть было не на что: здание оказалось пустым. Дети просто исчезли.

Вцепившись в мамину руку, я обнаружила, что больше не могу игнорировать холод, вот когда я пожалела, что у меня нет варежек. На пальто девочки из соседнего барака я как-то раз видела пару привязанных к рукавам перчаток. Мои пальчики отчаянно замерзли. Мне действительно нужно было хоть немножко согреться. Взять чужие вещи считалось в этом месте нормой, элементом борьбы за выживание, совсем не тем же самым, что воровство. Но я тогда перчатки не взяла.

Как только я научилась говорить и хоть что-то понимать, меня научили быть честной и доброй. Перчатки могли понадобиться маленькой хозяйке по возвращении; хотя в глубине души я знала, что она вряд ли вернется. И все же я не хотела извлекать выгоду из чьей-то смерти. Так я и оставила перчатки висеть на том пальтишке.

Примерно через десять минут мы добрались до здания, которое искала мама. Она затащила меня внутрь. Блок служил женским лазаретом, хотя медицинского оборудования в нем практически не было. Скорее он представлял собой промежуточный пункт между жизнью и смертью. Большинство кроватей были заняты мертвыми и умирающими. В спешке немцы бросили их. Комната наполнилась стонами и женскими рыданиями.

Мама ходила от кровати к кровати, встряхивая тряпье, которое служило одеялами. Иногда лежащая под ними женщина дергалась, подавая признаки жизни, и тогда мама двигалась дальше. Я не могла понять, что она делает, и боялась спросить. Мама проверила каждую кровать, прикладывая тыльную сторону ладони к телу.

– Это уже труп, – говорила мама, возобновляя поиски.

Наконец я поняла, чего искала мама. Она сунула руку под одеяло и коснулась лежащего тела. Человек уже не двигался, но все еще был теплым. Бедная женщина только что испустила дух.

– Тола, послушай меня, – сказала мама. – Ты должна делать все, что я тебе скажу. Если ты ослушаешься, нас могут убить.

– Хорошо, мама, – пролепетала я.

– Снимай обувь и забирайся в постель.

Я как можно быстрее расшнуровала ботинки. Кровать была выше, чем барачная койка, на которой я обычно спала, и мне потребовалась помощь, чтобы забраться на нее.

– Залезай под это одеяло, укройся и ложись лицом к полу. Лежи рядом с этой женщиной, я накрою тебя так, чтобы ничего не было видно: ни ног, ни головы. Лежи очень тихо, ни звука, поняла? Что бы ни случилось, что бы ты ни услышала. Тола, ты поняла меня? Я приду и освобожу тебя, только я, больше никто.

Она наклонилась ближе.

– Дыши вниз, в кровать. Замри и не двигайся. Что бы ни случилось. Будешь здесь, пока я не приду за тобой. Ты поняла меня?

– Поняла, мама.

Мамино слово было законом. Непослушание равносильно смерти.

Женщине, с которой мне предстояло коротать время, должно быть, было около двадцати лет. Она мало чем отличалась от сотен прочих мертвецов, которых я повидала на своем коротком веку. Мешки искореженных, зазубренных костей, кое-как скрепленных вместе под кожей. Черепа с ртами, застывшими в беззвучных криках. Мертвая женщина была хорошенькой, определенно моложе моей мамы.

– Обними ее, – приказала мама.

Она просунула мою голову под мышку трупа и переплела наши ноги. Затем она подоткнула одеяло, так что была видна только голова мертвой женщины.

– Я ухажу, Тола, – сказала она. – Я тоже должна спрятаться, но я буду рядом. Я вернусь и заберу тебя. Что бы ты ни услышала, не двигайся, пока я не вернусь. Ни при каких обстоятельствах. Ты обещаешь?

– Да, мама, обещаю.

Я сделала все в точности так, как сказала мама. Я совсем не шевелилась. Мне было не страшно лежать рядом с мертвым человеком. С чего это вдруг? Эта красивая молодая женщина была мертва и не могла причинить мне вреда. Наоборот, она была другом, она спасала мне жизнь, защищала меня. Поэтому я последовала маминым указаниям, обняла мертвую женщину и стала ждать.

Сначала труп был теплым, и я была искренне благодарна за это. Я снова почувствовала онемевшие от долгой ходьбы по снегу ноги. Но постепенно тело начало остывать. Я лежала, прислушиваясь, делала неглубокие вдохи, ждала. Я задавалась вопросом, почему умерла эта красивая женщина. Наверное, от голода.

Я была необычайно спокойна. На меня снизошло необъяснимое умиротворение. Я расслабилась и начала представлять себе куклу с зеленым лицом. Не всю куклу, а только голову. Я мельком заметила такую торчащую из грязи игрушку, пока мы бежали. Не понятно, одна ли голова осталась от нее или тела просто не было видно под слоем грязи. Я хотела поднять эту голову, но у нас не было времени останавливаться.

У куклы были дружелюбные глаза и улыбающийся ротик. Мне так нужна была голова этой куклы. Здесь, в лагере, у меня не было никаких игрушек, да и не хотелось особо играть. Я не знала, как это – играть. Смысл жизни заключался в том, чтобы просто выжить. Но я хотела, чтобы голова куклы разговаривала со мной, составляла мне компанию. Красивая была куколка...

Мои глаза начали тяжелеть. Я чувствовала себя в безопасности. Мама была рядом. Адреналин от нашего приключения на открытом воздухе пошел на убыль.

Потом я услышала топот сапог.

Глава 2. Мир за скатертью

Еврейское гетто, Томашув-Мазовецки, оккупированная немцами Центральная Польша

1941 ГОД / МНЕ 2–3 ГОДА

Мои владения простирались на все пространство под кухонным столом. Границы были определены рваными краями дешевой ткани, накинутой на предмет мебели, который был бьющимся сердцем жизни в нашем переполненном доме, в гетто. За скатертью был мир взрослых – и их неравная война между нацистами-преследователями и угнетенными евреями. Находясь в своем личном царстве, я редко видела лица взрослых – с моей позиции были видны только коленки жителей внешнего мира, ну и то, что ниже колена. Но я слышала, как они разговаривали, и занимала себя тем, что отгадывала, какой голос исходит от какой пары ног. Я запоминала обрывки разговоров и ключевые слова, повторяемые снова и снова, со смесью страха, гнева и горечи. Слова эти навсегда отпечатались в моей голове:

ГЕСТАПО
СС
АКЦИЯ
ПАЙКИ
МАРГАРИН
ГИТЛЕР
УПАЛ ЗАМЕРТВО НА УЛИЦЕ
ГОЛОДНАЯ СМЕРТЬ
ПАЛЕСТИНА
ЮДЕНРАТ
ГЕТТО
КРОПФИЧ
ЕЩЕ ОДИН
НЕСЧАСТНЫЙ МАЛЫШ
В ЗАТЫЛОК
БЕДНЫЕ РОДИТЕЛИ

За пределами скатерти никогда не было хороших новостей. Жизнь казалась чередой катастроф, пропавших людей, массовых убийств и постоянной борьбы за пропитание. Не говоря уже о стрельбе и криках за окном.

Когда новости были особенно плохими, родители перешептывались. Они пытались скрыть их от меня. Я определяла по звукам глубокого вдоха и шлепка руки о раскрытом в ужасе рте, что дела действительно хуже некуда. Мои уши стали моей первой сигнализационной системой. Я научилась различать, как люди ходят легко, а как – порывисто и напряженно. Я первая слышала, когда в квартиру входила новая пара туфель или ботинок. Иногда дружеских. А иногда я слышала тяжелые шаги, и тут же понимала, что беда неминуема.

Под столом было мое убежище. Там я и обитала днями, разговаривая со своей куклой.

– Хочешь кушать, *бубале*? – спрашивала я куклу.

– Я умираю с голоду. Ты, должно быть, тоже. Но не волнуйся, мама на кухне готовит картофельный суп из кожуры.

– Вот и он. Поешь. Будь хорошей девочкой, *бубале*. Вкусно, не правда ли? М-м-м-м-м. Прекрасный. Давай же. Ешь свой суп, *бубале*. Он полезный.

– Прости, сегодня нет хлеба. Пожалуйста, не плачь.

Время от времени я выныривала из-под скатерти и садилась на колени к отцу, Машелу, или устраивалась у матери, Рейзел. Всякий раз, когда в первые дни нашего пребывания в гетто приходил в гости дядя Джеймс – тогда передвигаться по улице было легче, – я забиралась на колени к нему и теребила его кустистые брови. Но обычно я оставалась под столом, потому что у меня не было стула. В четырехкомнатной квартире не хватало места и мебели на всех. В этой пятой квартире 24-го дома по улице Кшижова городка Томашув-Мазовецки мы жили не одни. Евреев сгоняли в полуразрушенные помещения по несколько семей в одно. В каждой такой квартирке вместо пяти-шести теснились как минимум 20, а то и все 60–70 жителей. В один и тот же туалет ежедневно наведывались по 30–40 человек. Мне приходилось есть и спать под столом, настолько мало было места. Некоторые спали прямо на полу. Мои родители спали на одноместной кровати, прижимаясь друг к другу. Я приходила к ним ночью, разбуженная страшными снами.

Если повезло, ты оказывался в одной квартире с друзьями или родственниками. Если нет, жить приходилось с чужими, порой ненавистными тебе людьми. Я не помню точно, сколько людей поселили вместе с нами и кто они были. Ситуация была настолько нестабильной, что квартира постоянно пополнялась новыми партиями беженцев. Однажды все знакомые лица исчезли. Их исчезновение сопровождалось надрывным шепотом, доносящимся из-за скатерти. Прошло совсем немного времени, прежде чем их заменили другие лица. Возможно, вновь прибывших людей стало даже еще больше. Атмосфера в квартире изменилась, причем только к худшему. В своем убежище под столом я всегда четко это ощущала.

Мы сидели в этой квартирке, как пойманные в банку мыши.

Нацисты создали гетто Томашув-Мазовецки в декабре 1940 года. Евреям было запрещено въезжать в центральную часть этого промышленного города в центральной Польше, в 70 милях к юго-западу от столицы, Варшавы. Они должны были идентифицировать себя как евреев: постоянно носить белую нарукавную повязку с голубой звездой Давида. Невыполнение этого требования каралось смертной казнью.

В качестве одного из первых ограничений немцы отключили нам электроснабжение. Лишение нас света, ключевого компонента современной жизни, стало еще одним взмахом ножиц, медленно и мучительно обрекающим нас на смерть. Канализационной системы тоже не было. Нам было приказано повесить занавески или ширмы на окнах, выходящих на арийские кварталы. Чувство изоляции, изгнанности из внешнего мира усиливалось с каждым новым ограничением. Мало того, что нам больше не полагалось смотреть на польских соседей, нам также было отказано в солнечном свете, мы были отброшены назад в Темные века.

Полякам было приказано закрыть окна, выходящие на гетто, чтобы они не видели, что происходит, и не могли сообщить об этом остальному миру. Важно отметить, что значительное число поляков, проживавших в Томашуве, были ярыми антисемитами. Некоторые из них, возможно, даже получали удовольствие от наших страданий. Занавески, по крайней мере, лишали их и этого удовольствия тоже. Сначала мы с родителями жили у бабушки и дедушки на площади Костюшко, которая до войны считалась довольно престижным районом: площадь находилась в самом сердце коммерческого района города. Сначала гетто состояло из трех секций, и люди могли перемещаться между ними, хотя им и было запрещено покидать внешние границы гетто без специального разрешения. Двенадцать месяцев спустя немцы согнали евреев из двух районов гетто в третий, гораздо меньший по размеру. Этот квартал им было гораздо легче оцепить. Ощущение клаустрофобии усилилось. Нас выгнали из нашего дома на площади Костюшко, и мы были счастливы и благодарны, когда другая семья знакомых приютила нас у себя на улице Кшижова, 24.

Неудивительно, что в течение трех с половиной лет, которые я провела за стенами гетто – потому что «прожила» неправильное слово для описания происходящего, – я редко дышала свежим воздухом. Я проводила почти все свое время в квартире по той простой причине, что

находиться снаружи было слишком опасно. В воздухе пахло вареной картофельной кожурой, а вот вареной капустой уже давно не пахло.

К 1941 году в гетто было втиснуто более 15 300 евреев. Довоенная община пополнилась более чем 3500 беженцами из соседних местечек и небольших городков. Гетто было ужасно переполнено. О гигиене не приходилось и мечтать.

Квартирки превратились в рассадники болезней. Во второй половине того же года в гетто разразилась эпидемия тифа. Было убито так много местных врачей, что оставшиеся в живых медики просто не в силах были сдержать вспышку заразы. Немцы перевели 600 евреев из Томашув-Мазовецки в другое гетто в соседнем городе в попытке замедлить распространение инфекции. Этих людей фактически выслали из Томашува и предупредили, чтобы они не возвращались. Тридцать три еврея нарушили приказ, вернулись в Томашув и были казнены.

Иногда, когда я вылезала из-под стола, то выглядывала в окно и наблюдала ряды немцев в стальных шлемах, марширующих с винтовками на плечах. Их крепкие сапоги до колен ударяли по булыжникам в унисон, создавая звук, который излучал власть и непреодолимую сверхчеловеческую силу. Вибрации от этого марша распространялись по всему нашему зданию и проникали в мой желудок. Потом я снова ныряла под скатерть.

Моему детскому сознанию стол казался безопасным убежищем, хотя на самом деле он был лишь клеткой. Тюрьмой внутри тюрьмы. Независимо от нашего возраста, мы все были заключенными. И стены нашей тюрьмы постоянно сужались. Евреи уничтожались на каждом этапе. Все это время немцы запихивали внутрь все больше заключенных, выжимая каждого из нас физически и психологически до пределов человеческой выносливости и выше них.

В городах по всей Польше и на прочих территориях, занятых нацистами, евреев загоняли в гетто, по сути, в настоящие тюрьмы. Гетто являлись первым этапом генерального плана нацистов по искоренению еврейской расы. Наибольшую известность получило Варшавское гетто, полноценный город в городе, где за высокими стенами и колючей проволокой погибли от голода и истязаний 420 000 евреев. Летом 1942 года четверть миллиона евреев, заключенных в гетто, погибли от отравления газом. Варшавское гетто также является воплощением мужества и сопротивления – весной 1943 года 700 плохо вооруженных еврейских повстанцев почти месяц оказывали сопротивление немецким войскам. Варшава, к сожалению, стала не единственным городом, в котором был организован концентрационный лагерь.

Мне было два с небольшим года, когда мы с родителями попали в гетто Томашув-Мазовецки. Выбора у нас не было. Сопротивляться было бесполезно. Особо не поспоришь, когда на тебя направлено оружие самой жестокой военной машины, которую когда-либо видел мир.

Тем не менее, когда мне было почти три с половиной года, я уже попробовала проявить врожденный дух сопротивления. Это случилось в январе 1941 года, когда немцы начали так называемую меховую *Акцию*. Они приказали жителям гетто сдать имевшиеся шубы для отправки в Германию, чтобы одеть людей, испытывавших трудности в тылу. Такие кампании представляли собой не что иное, как систематические поборы, имевшие целью лишить евреев всех имеющихся материальных ценностей. Предварительно они прочесали гетто, требуя от людей сдать все свои драгоценности. В нашу квартиру ворвались головорезы в форме. У мамы не было меха, зато он был у меня: красивая белая шубка с капюшоном и белым воротничком с меховыми шариками на конце завязок. Я так гордилась этим пальто. Это была моя любимая вещь, моя теплая меховая шубка.

Хотя я почти никогда ее не носила, ведь теперь я так редко выходила на улицу, на протяжении всего этого периода крайних лишений шубка помогала мне чувствовать себя особенной. В тот момент, когда один из немецких солдат подошел к шкафу и снял шубку с вешалки, ярость затмила мое сознание. Я кинулась на него, начала бить его кулаками и ногами. Солдат был крупным мужчиной, гигантом по сравнению со мной, но это не давало ему права забирать мою любимую шубку. В тот момент я не чувствовала страха. Я была готова драться до конца.

Мама была в шоке. Она попыталась оттащить меня, но я ее не слышала. Я попыталась укунить солдата за колени, бросалась на него снова и снова. Он оттолкнул меня своим тяжелым ботинком и ушел с моим самым ценным сокровищем. А ведь он мог запросто меня убить. Людей расстреливали за гораздо меньшие попытки сопротивления. Сегодня я все еще чувствую в себе ту маленькую девочку. Она была бесстрашной. Какой другой ребенок сделал бы такое? Мне нравится думать, что я все еще то самое своенравное существо. Воспоминание об этой шубке навсегда осталось со мной. Десятилетия спустя я купила почти точно такую же для своей внучки.

Эпизод с вещью, мне принадлежавшей, ясно демонстрирует, что, когда ребенок достигает трехлетнего возраста, он превращается в разумное человеческое существо, способное чувствовать и осознавать свои ощущения, а также обрабатывать информацию. Именно в этом возрасте начинают развиваться их когнитивные способности, хотя большинству и не хватает пока словарного запаса, чтобы сформулировать то, что они видят. Этот возраст должен стать временем бесконечных удивительных открытий, простых радостей, которыми полон мир. Ребенок должен восхищаться воздушным танцем бабочки, купаться в любви своих родителей и любить их в ответ. Видеть улыбающиеся лица, чувствовать себя в безопасности и защищенности, засыпать с полным желудком в теплой постели. Просыпаться на следующее утро, взволнованный предстоящими возможностями ворваться в еще один многообещающий день и исследовать тысячи новых для себя вещей. В гетто Томашув-Мазовецки единственным выполненным условием нормального детства была безусловная любовь моих родителей. И я знала, что тоже люблю их всем сердцем. Однако впереди не было ничего, кроме бездны. Яркие цвета жизни окончательно исчезли из нашей ежедневно увядающей вселенной. Мы жили в монохромном мире, всегда в зловещей тени. Все мы были мысленно скованы коллективным состоянием депрессии. Ничто не давало лучика света или надежды. Спасения не было. Ни одна благородная армия не собиралась прискакать на белоснежных конях, чтобы спасти нас. Единственным освобождением от ежедневных мучений была смерть.

Каждый новый день приносил новые ужасающие события. Я помню, как солдаты пришли за моей овдовевшей бабушкой Темой и ее братом, имени которого я не помню. Они приказали им спуститься вниз и расстреляли их на улице. Два очередных убитых еврея из 6 миллионов. Их возраст послужил им смертным приговором. Нацистам не нужны были старики. Любой человек старше пятидесяти лет считался немцами отработанным материалом. До своего приезда в Америку я не видела ни одного живого человека с седыми волосами. Нацисты считали пожилых людей ненужной обузой, ведь они были бесполезны в качестве физических рабов. В публичной казни бабушки Темы и ее брата не было на тот момент ничего сверхъестественного. Их убийцы не колебались ни на минуту. Немцы оборвали жизни моих родственников и других людей так же небрежно и хладнокровно, как специалисты по борьбе с вредителями уничтожают грызунов. Потому что именно ими мы и являлись в их глазах: вредителями. Я не могу выразить вам, как мне больно употреблять сейчас это слово.

Что мне все еще трудно понять все эти годы спустя, так это отсутствие минимальной совести и небрежность, с которой совершались убийства невинных гражданских лиц: нацисты расправлялись с беззащитными людьми с непостижимой естественностью, как будто все, что они творили, было в полном порядке вещей.

Тогда мой отец закрыл мне глаза рукой и оттащил меня от окна. Его первым побуждением было защитить мою неосведомленность – ведь однажды увиденные убийства, подобные этому, не могли остаться незамеченными, они навсегда отпечатывались в восприимчивой детской памяти.

Я как сейчас помню звук выстрелов, которые уничтожили моих родных, звон гильз, каскадом падающих на тротуар. Крики, которые я слышала, были настолько звериными, что, если

я намеренно вызову в воображении это воспоминание, я обнаружу, что они все еще звенят у меня в ушах. Нечеловеческий вой, казалось, пронёсся от центра земли до самых небес.

Одного я так и не услышала – как плакала мама. Она отличалась особенной манерой переживать потрясения, никогда не позволяла себе открытого проявления горя. Когда мой отец отнял руку от моих глаз, я увидела ее. Мама молчала. Молчала так, как будто из ее легких вышибло весь воздух. Она была не в состоянии издать ни звука. Она вобрала все слезы и страдания, погрузила их глубоко в себя и никогда больше не выпускала наружу.

В тот день расстреляли и часть души моей мамы. С каждым новым погибшим немцы потихоньку калечили изнутри всех нас. Я все еще чувствую ту мглу непоправимого несчастья, которая опустилась тогда на нашу семью, это всепоглощающее бессилие. Мы, как народ, ничего не могли сделать, чтобы остановить эти или последующие убийства. Возмездия не предполагалось. Никакого око за око. Они уничтожали нас совершенно безнаказанно.

Я жила в постоянном страхе, что моих родителей убьют прямо у меня на глазах или что они исчезнут и никогда не вернуться. Каждое утро, с момента пробуждения, я боялась, что сегодня настанет моя очередь умереть. Я ложилась спать в страхе, что не проснусь следующим утром.

Все это время я была парализована острым чувством голода. Когда в 1940 году немцы организовали гетто, первым делом они ввели ограничение на питание. Предполагалось, что в месяц мы сможем выжить всего на 2,5 кг хлеба и 200 г сахара на человека. Большинство взрослых людей могли бы протянуть на таком пайке неделю, не больше. Сначала немцы запретили нам покупать мясо у мясников. Затем они ограничили доступ к хлебу. Часы работы пекарен были ограничены. Женщины вставали с постели посреди ночи, чтобы встать в очередь за булкой, рискуя быть застреленными, если их поймают на улицах до окончания комендантского часа. Иногда они возвращались с пустыми руками. Иногда они вообще не возвращались. Шли месяцы, запасы продовольствия уменьшались. Для того чтобы самые нуждающиеся не умерли с голоду, была организована выдача скудного, но горячего питания.

Я помню, что мне было трудно ходить. Я медленно развивалась, вероятно, потому что мой организм в то время был лишен витаминов, как раз тогда, когда его нужно было лелеять, развивать, оздоравливать. Из-за постоянного недоедания я даже до четырех лет не очень хорошо ходила. Пребывание под столом в течение столь длительного времени, вероятно, также препятствовало развитию моих костей и мышц. Должно быть, я отчаянно нуждалась в кальции, необходимом для плотности и прочности костей. Когда я вылезала из-под стола, то ходила по квартире, облизывая стены. Должно быть, так я интуитивно пыталась извлечь кальций из мела в штукатурке. Мама пыталась отучить меня от этой привычки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.